

*Т. И. Тверитинова, к.ф.н., доцент
Киевского университета
имени Б. Гринченко (г. Киев, Украина)*

РОМАН Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» В ШКОЛЕ И ВУЗЕ: PRO ET CONTRA

В статье рассматривается специфика современного восприятия романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в средней и высшей школе. Опираясь на литературоведческие, методические и публицистические работы, автор статьи высказывает наблюдения и пожелания об альтернативном подходе к изучению произведения писателя в школе и комплексном подходе в вузе («Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского – «Ф.М.» Б. Акунина).

Ключевые слова: программная литература, духовные ценности, социальный фактор, галлюцинирующее сознание, монопастиш, претекст, авантюрный роман, факультативное чтение.

С незапамятных времен в курсе школьной программы творчество Ф.М. Достоевского было представлено одним произведением – романом «Преступление и наказание». И зачастую именно этим и обходились в своих познаниях творчества писателя старшеклассники. А, учитывая специфику нашего времени, когда начитанность заменила информированность, а тексты художественных произведений – дайджесты, возникает опасение, что классическая литература – и в том числе Ф.М. Достоевский – может остаться непонятой, непрочувствованной и безразличной. А между тем чтение подрастающих поколений – детей и подростков – «во всех цивилизованных странах всегда было предметом заботы общества и государства. Эта забота естественна, ибо чтение – один из самых рациональных способов передачи и усвоения знаний и духовных ценностей, выработанных человечеством, средство образования и воспитания личности» [2, 4]. Вопрос только в том, как учитывает программная литература психологию и жизненный опыт подростков.

Цель нашего исследования – проанализировав современные литературоведческие, методические и публицистические работы, определить, насколько целесообразно изучение вышеупомянутого произведения Ф.М. Достоевского в школе, а также высказать методические пожелания в вузовском изучении.

Литература по роману «Преступление и наказание» необозрима: от основательных монографий (В.Я. Кирпотин, Ю.Ф. Карякин, Г.М. Фридлиндер и другие), комментариев к произведению (Л.Д. Волкова, С.В. Белов) до методических рекомендаций (не менее основательных и дельных) относительно преподавания романа в школе, особенно в последнее десятилетие (В.Г. Маранцман, Н.С. Прокурова, О.П. Боркивская, О.А. Гузь и многие другие). Мнения исследователей и учителей-методистов в общем-то одинаковы: это «первый из пяти гениальных романов Ф.М. Достоевского» (С.В. Белов), со сложной жанровой спецификой (М.М. Бахтин, О.А. Гузь), в котором развенчивается и осуждается самообман главного героя (Ю.Ф. Карякин, В.Я. Кирпотин), выстрадавшего право на возрождение и возвращение к жизни. Все это старательно преподносится пятнадцатилетним подросткам от Д.И. Писарева до наших дней («Борьба за жизнь», 1867г.).

Однако на фоне таких авторитетных мнений появляются и другие, не менее интересные. Так, уже в 1991 году, когда на смену «развитому социализму» пришел капитализм, резко обозначив богатых и бедных, появились совершенно иные признания в понимании Раскольникова. Дескать, если раньше герой «оставался совершенно запредельным, непонятным и страшным», и все это было абстрактным и не из нашей жизни, то теперь Родион оказался вдруг понятным и оправданным [7]. Достаточно пройтись по маршруту «Петербург Достоевского», зайти в подъезд «дома Раскольникова», подняться по лестнице и прочитать на стенах «Родя, ты был прав!», «Мы с тобой, Родион!» и тому подобное. Это пишут, смею уверять, не читатели и не почитатели Достоевского. Это пишут те подростки, которые, в силу семейных обстоятельств, оказались наедине с взрослыми проблемами, отчаявшиеся и вдруг вспомнившие о герое «Преступления и наказания», убившего и ограбившего старуху-ростовщицу (вообще-то по идейным соображениям). Раскольникова с его топором они запомнили, а вот нравственные нюансы, которые постепенно обретали в романе свою колоссальную значимость, вряд ли. И как же они сами напоминают героя Достоевского, подслушавшего в трактире разговор студента и офицера о старухе-процентщице (а он как раз и думал об этой «вщи»), и то, как студент был готов ее убить и ограбить. Вот только реплики офицера он слушал невнимательно. «Ты эту старуху сам зарежешь, или кто другой?» - «Это не имеет значения». - «Тогда все не имеет значения» [3, 107]. В романе автор будет рассказывать, как растерялся герой-теоретик на месте преступления, даст ему возможность уйти оттуда незаметным, будет он лежать в горячке, страдать, злиться от осознанной истины, что не старуху убил, а себя.

Писатель И. Свинаренко в своем эссе о романе отмечает, что специфика Достоевского заключается в том, что у него нет спокойных сюжетов, спокойных героев, а все на нервах. Что же касается героев «Преступления и наказания», то, чтобы не показаться самонадеянным, он обратился за консультацией к знакомому психиатру Андрею Бильжо, который по описанным симптомам поведения Раскольникова поставил диагноз: «Эта симптоматика характерна для юношеского периода. Поиски себя, низкая трудоспособность, слабость, неуверенность в своих силах, депрессия, волевые функции снижены. Это может иметь место в рамках депрессии. Но далее депрессия усугубляется и приобретает форму параноидального бреда. У больного появляются бесплодные мудрствования, элементы метафизической интоксикации, галлюцинации, симптомы бреда величия – так что можно говорить о начале шизофренического процесса. Часто в таких случаях развиваются инфантильность и непродуктивность. Люди вроде ищут работу и находят, но не могут приспособиться и компенсируют это уходом в дворники, отъездом в Сибирь куда-нибудь, уходом в монастырь или просто пьянством» [8, 34]. Об этом же пишет исследовательница Л. Кирсанова, учитывая, так сказать, социальный фактор (город как соучастник преступления): «Город рождает галлюцинирующее сознание, которое не следует рассматривать как некоторую болезнь,... это, скорее, субъективно переживаемый, субъективно значимый симптом, который возникает только у конкретного человека» [6, 252]. Кстати, здесь же исследовательница замечает, что даже двумя жертвами Раскольников не обошелся: убит неродившийся младенец Лизаветы, маляр Миколка, выражая готовность взять на себя чужую вину, мог бы погибнуть на каторге, мать умирает в горячке, не выдержав недомолвок, переживаний и страшных догадок. Так что этот роман не только об идейном убийце с комплексом Наполеона, но и о матереубийце.

А вот мнение Б. Акунина, современного писателя и известного почитателя и знатока творчества Достоевского. В романе о Пелагии один из персонажей (не автор) замечает, что Федор Михайлович «чересчур облегчил себе задачу, когда заставил гордого Раскольникова убить не только отвратительную старуху процентщицу, но еще и ее кроткую, невинную сестру. Это уж господин Достоевский испугался, что читатель за одну только процентщицу не захочет преступника осудить: мол, такую тварь вовсе и не жалко... Вот если бы писатель на одной только процентщице всю недостойность человекоубийства сумел показать – тогда другое дело» [1, 155]. Может быть, поэтому в своей интерпретации романа Достоевского – монопастише «Ф.М.» - Акунин, опираясь на архивные материалы и переписку писателя, предлагает версию претекста «Преступления и наказания», где

Лизавета остается в живых. В современном романе на первый план выступает следователь Порфирий Петрович, который проводит расследование убийства. Переписав «Ф.М.» и дополнив его современной фабульной параллелью, Б. Акунин выразил целую концепцию. Первая ее часть касается литературной техники Достоевского. Имя убийцы писатель-классик демонстративно называет в начале романа, тем самым показав, что жанр авантюрного романа он намеренно изменяет. У Акунина же при очевидных подозрениях только в конце выясняется, что это не Раскольников, а Свидригайлов, тоже со своей «теорией», правда, не наполеоновского масштаба. «Базовая мысль Достоевского о том, что «человек не рождается для счастья», что «человек заслуживает свое счастье, и всегда страданием», что «покупается счастье страданием», - все это, как считает Акунин, уже непонятно» [9, 86]. У Достоевского наказание – это этические муки, у Акунина – смерть как более простой выход, без психологии, без христианской морали. Книга Акунина по замыслу автора должна была дать ответ на вопрос: как выглядели бы герои «Преступления и наказания» в нашей реальности? Писатель-постмодернист даже высказывает надежду, что если после его романа «Ф.М.» «Преступление и наказание» станет бестселлером, а полное собрание сочинений Достоевского снова обратит к себе внимание широкой читательской аудитории, то он будет считать свое задание выполненным.

Думается, что, учитывая особенности современного литературного процесса и направления читательских интересов, нельзя согласиться со сложившимся критическим мнением о том, что «тем, кто способен прочесть Ф.М. Достоевского, Акунин, как катализатор интереса к классику, не нужен». Практика как раз подтверждает обратное. Наши студенты-третьекурсники вот уже несколько лет подряд читают наряду с «Преступлением и наказанием» Достоевского роман Акунина «Ф.М.», отмечая, что это намного обогащает восприятие классического произведения. Но даже без «Ф.М.» часто приходится слышать, что именно сейчас роман Достоевского им открылся по-настоящему.

Дело здесь не только в уровне преподавания, хотя и в нем тоже. Дело – в возрасте читателей, в той разнице лет, которая определяет, насколько они способны понять литературного героя. Школьникам-десятиклассникам – пятнадцать, а студентам – по девятнадцать-двадцать лет. Заметим, что эти четыре-пять лет разницы – очень насыщенный и напряженный период взросления, расширения спектра впечатлений и собственного жизненного опыта. Вот тогда они и становятся способными понять и оценить всю глубину и многогранность романа «Преступление и наказание».

Возникает вопрос, а какой роман Достоевского больше подходит для школьников подросткового возраста? Ответ есть: роман о подростке.

«Подросток». Подобное мнение высказывалось уже (и неоднократно) исследователем Ю.Ф. Карякиным: «Много лет я веду уроки по Достоевскому в девятых (нынешних десятых – Т.Т.) классах средней школы, и вот, когда удавалось выкроить время для «факультативного» прочтения «Подростка», то вдруг оказывалось, что читался он девятиклассниками несравненно более заинтересованно, чем положенное по программе «Преступление и наказание», мало того – «Подросток» и понимался ими более кровно, самостоятельно, понимался именно в его главной тайне. Но, пожалуй, ничего странного здесь и нет: роман ведь прямо, непосредственно о подростках, для подростков и написан – кому ж, как не им прямо и непосредственно откликнуться на него, пережить его как свое, родное? Филологическая неискушенность живого, мучающегося своими живыми чувствами подростка и оказывается часто пронзительнее холодной (и равнодушной, в сущности) эрудиции ученого-профессионала. Невольно подумаешь: как бы отнесся к этому факту сам Достоевский? И огорчился бы, наверное, и обрадовался: повторяется старая история, о которой он сам и говорил: меня лучше понимают внимательные читатели, чем профессиональные критики...» [5, 5-6].

Еще одна особенность психологии читателей-подростков. При вступлении во взрослую и самостоятельную жизнь, обостренном восприятии социальной несправедливости, согласимся, что все-таки чаще возникает комплекс ротшильдства, чем наполеонизм. Сосредоточиться, заикнуться на одной теории о сильных личностях и «тварях дрожащих» с последующим страшным экспериментом – убийством, думается, способен далеко не каждый человек. А вот наблюдая жизнь со стороны, легко прийти к выводу, что деньги возводят на пирамиду жизни любого человека, даже самого посредственного. Этой-то идеей и одержим Подросток Достоевского. И для автора главное – это без нажима провести героя через разные жизненные испытания, свести с самыми разными людьми, порядочными и низкими, аморальными, чтобы в конце-концов он мог сделать свой собственный вывод: деньги – это еще не все.

Достоевский писал в черновиках к роману: «Вообще-то это поэма о том, как вступил подросток в свет. Это история его исканий, надежд, разочарований, порчи, возрождений, науки – история самого милого, самого симпатичного существа. И жизнь сама учит, но именно его, подростка, потому что другого не научила бы». В романе прослеживается цель писателя – подвести героя к извечно неутолимой потребности, жажде самовоспитания, самовыделки. Настоящий лейтмотив романа звучит в конце: «Кончив же записки и дописав последнюю строчку, я вдруг почувствовал, что перевоспитал себя». Как видим, роман «Подросток», который считается «едва ли не самым непонятым из произведений писателя» (Ю.Ф. Карякин), заслуживает самого активного

внимания своей актуальностью проблематики. Это и становление личности молодого человека в капиталистическом обществе, и поиски своего жизненного пути, и проблема выбора, испытание преступлением, идея ротшильдства и, наконец, умение честно и мужественно признать свои ошибки и заблуждения.

А.И. Солженицын в своем эссе о романе «Подросток» (1992г.), подчеркивая сильные и слабые стороны произведения, оправдывает ставший уже общепринятым тезис о Достоевском как о писателе нашей современности, писателе XXI века. С этим трудно не согласиться. Так почему бы не преодолеть устоявшиеся догмы, не подойти осознанно, творчески к изучению произведений писателя в современной школе? Чтобы сегодняшний читатель, подросток, постигая труд гения, открывал для себя неожиданные истины, сопоставлял себя с героем, способным честно и беспощадно разобраться в себе и перевоспитать самого себя. Тем более, что «из подростков создаются поколения» [4, 464].

Литература

1. Акунин Б. Пелагия и белый бульдог: [роман] / Борис Акунин. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 284 с.
2. Добрынина Н.Е. Изучение читателей – детей и подростков в России XIX-XX веков. – М., 2006. – 280 с.
3. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. – М.: Худож.лит., 1988. – 480 с.
4. Достоевский Ф.М. Подросток. – М.: Просвещение, 1988. - 512 с.
5. Карякин Ю.Ф. В чем подвиг подростка? // Достоевский Ф.М. Подросток. – М.: Просвещение, 1988. – С. 5-10.
6. Кирсанова Л. Семейный роман «невротика» (опыт психоаналитического прочтения романа Ф. Достоевского «Преступление и наказание» // Метафизика Петербурга. – СПб.: МСМХШ. – С. 251-257.
7. Потехина И. Мы стали смотреть друг на друга глазами Раскольникова... // Комсомольская правда. – 1991. – 9 ноября. – С. 4.
8. Свиначенко И. Все на нервах // Новодворская, В. Поэты и цари / Валерия Новодворская. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – С. 34-35.
9. Стеханова А.М., Тверігінова Т.І. Ф. Достоевський і Б. Акунін: монопастиш «Ф.М.» // Зарубіжна література в школах України. – 2010. - № 7-8. – С. 84-87.